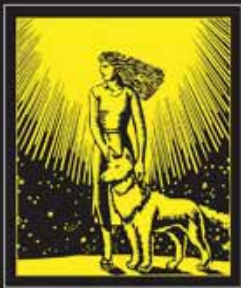

БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ

ЖЕНСКИЙ
АРХЕТИП
В МИФАХ
И СКАЗАНИЯХ

Кларисса Пинкола Эстес

СОСИС

БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ

ЖЕНСКИЙ
АРХЕТИП
В МИФАХ
И СКАЗАНИЯХ

Кларисса Пинкола Эстес

УДК 159.964

ББК 88

Э87

Перевод с английского Т. Науменко

Эстес Кларисса Пинкола

Э87 Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2011. — 448 с.

ISBN 978-5-399-00321-4

Переведенная более чем на двадцать пять языков книга Клариссы Эстес уже несколько лет занимает одно из первых мест в мировом книжном рейтинге.

Эта книга о женском архетипе на самом деле универсальна. Замените понятие «Первозданная Женщина» на «Первозданный Мужчина» — и вы увидите, что польза, которую принесет эта книга вашей душе, не имеет половой принадлежности.

Внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости. Но это существо — Дикая Женщина — находится на грани вымирания. «Цивилизующее» влияние общества, к сожалению, подавляет в ребенке все «дикое», то есть естественное.

Кларисса Эстес, более двадцати лет практикующая и преподающая психоанализ Юнга и исследующая мифы разных культур, показывает, как можно возродить исконный Дух женщины посредством «психоархеологических раскопок» в области женского бессознательного. Здоровая, инстинктивная, ясновидящая, исцеляющая архетипическая Дикая Женщина живет полнокровной жизнью в древних мифах и сказках. Но она может снова проявиться в душе каждой женщины в условиях современного мира.

УДК 159.964

ББК 88

Copyright © 1992, 1995 by Clarissa Pinkola Estes, Ph. D.

С разрешения правообладателя.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-399-00321-4

© «София», 2008

© ООО Издательство «София», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	8
Песнь над костями	8
Глава 1. Вой: возрождение Дикой Женщины.	27
Глава 2. Выследить захватчика: первая инициация	38
Глава 3. Разнюхать факты: возвращение интуиции как инициация	68
Глава 4. Пара: союз с другим	103
Глава 5. Охота: когда сердце — одинокий охотник	116
Глава 6. Найти свою стаю: принадлежность как благодать	147
Глава 7. Счастливое тело: дикая плоть	176
Глава 8. Самосохранение: как обнаружить капканы, ловушки и яд в приманке	190
Глава 9. Чувство дома: возврат к себе	227
Глава 10. Чистая вода: пища для творческой жизни	264
Глава 11. Жар: вернуть священную чувственность	296
Глава 12. Пометить территорию: границы ярости и прощения.	306
Глава 13. Боевые шрамы: членство в клане раненых	329
Глава 14. La selva subterranea: посвящение в подземном лесу	340
Глава 15. Выслеживание: santo hondo, глубинная песнь	398
Глава 16. Волчья ресница	403
Послесловие. Сказка как лекарство	406
Об авторе.	412
Приложение	413
Примечания	418

ВВЕДЕНИЕ

ПЕСНЬ НАД КОСТЯМИ

Первозданная природа и Первозданная Женщина* — два вида, которым угрожает полное исчезновение.

На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения. Оглядываясь в прошлое, можно заметить, что в течение нескольких тысяч лет ей отводился самый низменный уровень души. В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради убления других.

Потеря нами чувства собственной первозданности совсем не случайно совпадает по времени с исчезновением девственной природы на планете. Не так уж трудно понять, почему и древние леса, и дряхлые женщины считаются не самыми важными ресурсами человечества. Это вовсе не тайна. Нельзя также объяснить случайным совпадением то, что волки, койоты, медведи и диковатые женщины в чем-то схожи между собой: в человеческом представлении их связывают общие инстинктуальные архетипы, в силу которых за ними утвердилась репутация — несправедливая — безжалостных, изначально и чрезвычайно опасных и алчных существ.

Моя жизнь и деятельность в качестве психоаналитика-юнгианца, поэта и *cantadora* (сказительницы древних преданий) научили и убедили меня, что угасающую женскую жизненную силу можно возродить посредством активных «психоархеологических» раскопок в руинах потаенного мира женщины. Благодаря этим методам становится возможным восстановить повадки естественной, инстинктивной души, а через ее олицетворение в архетипе Первозданной Женщины мы сможем постичь разнообразные проявления глубочайшей женской природы. Сфера деятельности современной женщины огромна и расплывчата: ей приходится быть чем угодно для кого угодно. А древнее знание так и остается не востребуемым.

Название этой книги: «Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях» возникло в результате изучения биологии дикой фауны и, в частности, волков. Исследования, посвященные волкам видов *Canis lupus* и *Canis*

* В оригинале — Wild Woman. Как следует из концепции автора, это не только и не столько Дикая, сколько Первая, Первозданная, не искаленная цивилизацией Женщина. В дальнейшем эти термины используются как синонимы, в соответствии с нюансами контекста. — Прим. ред.

rufus, перекликаются с историей женщин, с тайнами их самоотверженности и их страданий.

Здоровые волчицы и женщины обладают определенными общими психическими особенностями — острой чувствительностью, игривостью нрава и глубокой преданностью. Женщины и волчицы родственны по своей природе: они пытливы, наделены огромной выносливостью и физической силой. Им свойственны глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом. Они искусно приспособляются к непрерывно меняющимся обстоятельствам, бывают неистовы в своей верности и необычайно отважны.

Однако и те, и другие всегда подвергались травле, притеснениям и лживым обвинениям в ненасытности, неискренности и чрезмерной агрессивности; считалось, что они менее достойны, чем их гонители. Они превратились в объекты охоты для тех, кто мечтает очистить не только лесные чащи, но и дикие уголки души — истребить инстинктивное так, чтобы от него не осталось и следа. Хищническое отношение невежд к волкам и к женщинам поразительно похоже в своих проявлениях.

Именно при изучении волков у меня и возникли первые представления об архетипе Первой Женщины. Я исследовала не только этих животных, но и медведей, слонов и даже «птиц души» — бабочек. Особенности каждого вида предлагают обильные намеки на известные черты женской инстинктивной души.

Мой дух был пропитан дикостью вдвойне: от родителей я унаследовала страстную мексикано-испанскую кровь, а потом меня удочерило семейство горячих, вспыльчивых венгров. Я выросла у границ штата Мичиган, среди лесов, садов и крестьянских полей на берегах Великих Озер. Главное мое питание составляли громы и молнии. По ночам вокруг поскрипывали и переговаривались кукурузные стебли. Вдалеке, на севере, в лунные ночи собирались на полянах, танцевали и зывали к Небесам волки. И все мы без страха пили из одного ручья.

Хотя в те времена я еще не называла Ее так, моя любовь к Первозданной Женщине возникла уже в самом раннем детстве. Эстетика была мне ближе, чем атлетика*, она и определила единственное мое желание: оставаться восторженным странником. Стульям и столам я предпочитала землю, деревья и пещеры — я чувствовала, что именно в этих местах могу прижаться к щеке Господа.

Реки *всегда* просили навещать их после наступления темноты, в поля *обязательно* нужно было приходиться, чтобы им было кому шелестеть свои рассказы. Лесной костер *должен был* разводиться только в темноте, а сказки *должны были* рассказываться только вдалеке от ушей взрослых.

Мне очень повезло: я выросла среди Природы. Вспышки молний поведали мне о внезапности смерти и мимолетности жизни. Мышиные выводки под-

* Игра слов — аллюзия на истоки «Классического образования», восходящие к Древней Греции. — Прим. ред.

сказывали, что новая жизнь смягчает утрату. Выкапывая из глины окаменелые трилобиты, так называемые «индейские бусы», я поняла, что люди живут здесь уже очень давно. Я училась священному искусству украшения себя: на мою голову опускались бабочки-данаиды, светляки служили вечерними драгоценностями, а изумрудно-зеленых лягушек я носила вместо браслетов.

Волчица-мать убила своего смертельно раненого детеныша, и это научило меня жестокому состраданию и неизбежности прихода смерти к умирающему. Пушистые гусеницы срывались с ветвей и возвращались наверх, преподавая мне уроки целеустремленности. Их щекочущие прикосновения к руке убеждали, что кожа тоже полна жизни. Умение забираться на самые верхушки деревьев позволило получить первые представления о тех переживаниях, которые впоследствии принесет секс.

Мое поколение росло после Второй мировой войны, во времена, когда женщин задерживали на младенческой стадии развития и считали личной собственностью. К ним относились как к ухоженным огородам... К счастью, ветер неизменно заносит туда семена дикорастущих трав. Хотя то, что писали эти женщины, оставлялось без внимания, они продолжали с увлечением работать. Несмотря на отсутствие признания, написанные ими картины становились пищей для души. Женщинам приходилось вымалывать необходимые для творчества инструменты и помещения, а если надеяться было не на что, они превращали в студии деревья и пещеры, заросли и чуланы.

Танцы если и допускались, то редко, поэтому женщины танцевали в лесу, где никто не мог их видеть, а также в подвалах или по пути к мусорному баку. Украшения сразу же становились поводом для подозрений. Полное радости тело, как и веселое платье, повышало угрозу сексуального оскорбления или насилия. Даже одежду нельзя было назвать своей собственностью.

Это было время, когда измывавшихся над своими детьми родителей называли просто «строгими», когда душевные терзания женщин, переносивших смертельные оскорбления, именовались «нервными расстройствами», когда «приличными» считались женщины и девушки, туго перетянутые корсетами, крепкой уздой и плотным намордником, а «распутницами» — те, кому удавалось хотя бы на мгновение выскользнуть из ошейника.

Подобно множеству женщин до и после меня, я тоже вела фальшивую жизнь переодетого существа. Как и все мои сестры, я чинно балансировала на каблуках, а в церковь надевала платье и шляпку. И все же мой легендарный хвост нередко высовывался из-под подола, а уши так прядали, что шляпка в лучшем случае сползала на глаза, но случалось — и отлетала в угол комнаты.

Я не забыла песню той мрачной поры, *hambre del alma*, песню исстрадавшегося сердца. Но не забыла я и радостную *canto hondo*, тайную песнь, слова которой снова и снова приходят к нам, когда мы трудимся над возрождением души.

Как лесная тропинка внезапно становится почти незаметной и вскоре исчезает бесследно, так слишком рано исчерпывается традиционная психологическая теория для творчески одаренной и глубоко мыслящей женщины. Чаще всего эта теория либо касается слишком бегло, либо вообще обходит

молчанием глубинные, важные для женщины вопросы: об архетипическом, интуитивном, сексуальном и цикличном, о возрастах женщины, о ее образе действий и принципах понимания, о ее творческом пламени. Именно эти вопросы заставляли меня в продолжение двадцати лет посвящать большую часть времени архетипу Дикой Женщины.

С возникающими у женщин проблемами души нельзя разобраться, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательной культуры форму; нельзя их втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ. Увы, именно такие попытки превращали в изгоев тех женщин, которые начинали свою жизнь как сильные и естественные личности. Целью же, напротив, должна стать помощь в восстановлении очаровательного и естественного психического облика женщины.

Источниками понимания становятся сказки, мифы и легенды. Они обостряют наше зрение до такой степени, что мы можем увидеть путь, оставленный первозданной природой, и направиться по нему. Сохранившиеся в этих историях указания подтверждают, что путь не исчез, что он по-прежнему ведет женщину все дальше и глубже — к самопостижению. Следы, по которым все мы пойдем, оставлены архетипом Первозданной Женщины, врожденного инстинктивного «Я».

Я называю этот архетип «Первозданной Женщиной», так как именно эти слова: *первозданность* и *женщина* образуют *llamar o tocar a la puerta* — сказочный стук в дверь глубокой женской души. В буквальном смысле выражение «*llamar o tocar a puerta*» означает «играть на инструменте имени, чтобы распахнулась дверь», то есть пользоваться теми словами, которые действуют как заклинание, как открывающий ключ. К какой бы культуре ни принадлежала женщина, сочетание слов «первозданная, дикая» и «женщина» ей интуитивно понятно.

Когда женщина слышит эти слова, старинная, древняя память просыпается в ней и возвращается к жизни. Это — воспоминание о нашем полном, неоспоримом и окончательном родстве с первобытной женственностью; эта связь могла уже давно стать совершенно непонятной, призрачной от забвения, могла быть погребена под толщей домашнего быта, объявлена вне закона окружающей культурой. Мы могли позабыть Ее имена, мы можем не откликаться на Ее зов, но мы помним Ее всем телом и тоскуем по Ней, мы знаем, что Она принадлежит нам, а мы — Ей.

Именно в этой основополагающей, стихийной и важнейшей форме взаимоотношений мы родились, именно от нее произошла наша сущность. Во чреве архетипа Первозданной Женщины кроются начала определяемого по женской линии бытия. Временами мы ощущаем это, и даже мимолетное чувство заставляет нас сходить с ума от желания его возродить. У некоторых женщин этот животворный «привкус дикости» возникает во время беременности, при кормлении младенца, при изменениях в себе самой в процессе воспитания ребенка или при возникновении таких любовных отношений, которые похожи на посещения любимого сада.

Ощутить Ее можно и в видениях, и в зрелищах невероятной красоты. Я чувствовала Ее, когда наблюдала за солнцем в те минуты, которые у нас в лесных краях называют «закатом Господа Иисуса». Я ощущала, как Она шевелится во мне, когда усталые рыбаки с фонариками в руках возвращались в сумерках с озера или когда мое новорожденное дитя поджимало пальчики на ногах, и эти пальчики похожи были на ряды зернышек сладкой кукурузы. Мы видим Ее там, где встречаем, то есть повсюду.

Она является к нам и в звуках: в музыке, от которой что-то дрожит в груди и учащается сердцебиение, в барабанном бое, свисте, звоне и крике. Она приходит в записанном или произнесенном слове — временами подобное слово, фраза, стихотворная строфа или история становятся такими звучными, такими *подлинными*, что заставляют нас хотя бы на мгновение вспомнить, из чего мы созданы на самом деле и где наш настоящий дом.

Такие внезапные «ощущения дикости» возникают в таинстве вдохновения: ах, вот оно! — и уже ушло... Стремление к Ней появляется, когда знакомимся с человеком, которому удалось сохранить эту связь с первоизданым. Такое желание приходит, когда осознаешь, что уже слишком мало времени осталось для мистического священнодействия и для грез, слишком мало для собственной творческой жизни, для важнейших занятий или для настоящей любви.

Но именно эти мимолетные ощущения, приходящие и через красоту, и через потери, оставляют в нас такое опустошение, такую взволнованность и тоску, что рано или поздно мы пускаемся в погоню за своей первоизданной природой: уходим в леса и пустыни, бросаемся в сугробы и катаемся в снегу. Мы обшариваем взглядом Землю, наш слух обостряется, и мы ищем внизу и сверху — ищем какого-нибудь намека, следа, знака того, что Она еще жива и что у нас есть надежда. Когда же женщина находит Ее следы, она чаще всего бросается в отчаянную погоню, сметает все со стола, отбрасывает любые взаимоотношения, освобождает свой разум, становится чистой страницей, настаивает на разрыве, нарушает все правила, заставляет мир остановиться — ибо без Первоизданности мы уже не в состоянии двигаться дальше.

Когда женщина потеряла Ее, а затем вновь обрела, ей необходимо любой ценой сохранить эту связь. Получив свою находку, она изо всех сил будет бороться за ее сохранение, так как вместе с ней расцветает творческая жизнь, все взаимоотношения обретают и содержание, и глубину, и здравый смысл, утверждается цикличность сексуальности, творчества, работы и досуга; женщина перестает быть объектом хищнического интереса, а законы природы наделяют ее равным правом на развитие и успех. Наконец-то ее усталость в конце дня становится следствием радостных занятий и свершений, а не замкнутости в мелочных размышлениях, мелочной работе или постылых связях. Она инстинктивно понимает, когда приходит время разрушать и созидать, как нужно уходить и как оставаться.

Укрепляя свои взаимоотношения с первоизданной природой, женщина получает в дар извечного внутреннего наблюдателя, мудреца, мечтателя, провидца, художника, виртуоза интуиции, созидателя, творца, изобретателя и

слушателя, который направляет, дает советы и способствует кипучей жизни во внутреннем и внешнем мирах. Когда женщина соприкасается с Первозданностью, это становится видимым, словно свечение изнутри. Теперь, независимо от обстоятельств, ее внешнюю и внутреннюю жизнь поддерживает этот первозданный учитель, первозданная мать, первозданный наставник.

Таким образом, слово «дикий» используется здесь отнюдь не в современном уничижительном значении «неподконтрольный», но в исходном смысле, то есть как указание на естественный образ жизни, при котором *criatura*, существо, обладает врожденной целостностью и здоровыми рамками. Слова «дикость» и «женщина» заставляют женщину вспомнить, кто она и чем занята. Они представляют собой метафору для описания той силы, которая переполняет всех женщин. Они олицетворяют то, без чего женщина не может жить.

Архетип Первозданной Женщины можно описать и другими, не менее подходящими словами. Эту могущественную психическую сущность называют инстинктивной природой, однако Первозданная Женщина выходит за рамки подобного определения. Ее можно назвать естественной душой, но это название тоже не вмещает в себя архетип Первозданной Женщины. Ее именуют врожденной, основополагающей природой женщины, называют подлинной, неотъемлемой ее сущностью. Поэты говорят о «Другой», о «семи океанах вселенной», о «далеких лесах» или о «Подруге»^{1*}. В разнообразных мировоззрениях и направлениях психологии ее называют Оно^{**}, «Я», «срединной природой», а в биологии — природой типичной, или фундаментальной.

А из-за того, что она безмолвна, наделена даром предвидения и инстинктивна, *cantadoras* называют ее мудрой или знающей природой. Иногда говорят о «женщине, живущей на краю времени» или «на краю света». Эта *criatura* — и сотворившая мир ведьма, и богиня смерти, и дева, спустившаяся в преисподнюю; но она может явиться и во множестве других обликов. Она и друг, и мать для всех заблудших, нуждающихся в обучении, мучающихся загадками, уходящих в леса и пустыни ради поисков и скитаний.

В действительности Первозданная Женщина так безгранична, что в психическом бессознательном — на том уровне, откуда она исходит, — остается безымянной. Однако порождая все важнейшие оттенки женственности, здесь, на Земле Первозданная Женщина награждается множеством имен, и это делается не только для того, чтобы охватить миллиарды аспектов ее природы, но и для того, чтобы удержать ее сущность. Ведь в самом начале наших попыток возродить связь с нею она может в один миг обернуться дымкой, и поэтому, присваивая ей имена, мы создаем внутри себя необходимое пространство мыслей и чувств. Тогда, появившись, она сможет задержаться — если мы ее оценим.

Поэтому по-испански я называю ее *Rio Abajo Rio* — «река под рекой», *La Mujer Grande* — «Великая Женщина», *Luz del abismo* — «свет из бездны».

* См. с. 422 («Примечания»). — Прим. ред.

** *Id* (лат.) в терминологии Фрейда. — Прим. ред.

В Мексике она — *La Loba* (женщина-волчица) и *La Huesera* (костяная женщина).

По-венгерски ее называют *O Erdoben** («Та, что в лесах») и *Rozsomak* (Росомаха). У индейцев навахо она носит имя *Na'ashje'ii Asdzaa*, Женщина-паук, сплетающая судьбы людей и животных, растений и камней. В Гватемале помимо прочих имен используются *Humana del Niebla*, «Существо из Тумана», Женщина, живущая вечно. Японцы называют ее *Аматэрасу Омиками*, «Таинственные Высшие Силы», порождающие всякий свет и всякое сознание. В Тибете говорят о *Дакини*, танцующей силе, ясно различимой во всех женщинах. Имена неисчислимы. Она бесконечна.

Постижение природы этой Первозданной Женщины — не религия, а практика. Это психология, изучение души в самом подлинном смысле слова: *psyche* — «душа»; *logia*, или *logos*, — «постижение». Без этого знания женщина лишена ушей, которые позволяют вслушиваться в шепот собственного сердца, замечать звоны своих внутренних ритмов. Без него глаза женщины словно прикрыты чьей-то призрачной рукой, и большая часть ее жизни проходит в полупарализующей скуке или прихотливых грезах. Без него женская душа утрачивает прочную опору. Без него женщина забывает, зачем она здесь, цепляется, когда лучше отпустить; берет слишком много, слишком мало или вообще ничего. Без него она молчит, когда душа пылает. Дикая Женщина жизненно необходима женской душе, она — ее сердце, подобное настоящему сердцу, жизненно необходимому для физического тела.

Утрачивая связь с этой инстинктивной душой, мы живем только наполовину, и образы и силы, естественные для женщины, не получают полного развития. Отрезанная от своего главного источника, женщина приобретает стерильную благопристойность, но утрачивает свои инстинкты и природные жизненные циклы, попадает под власть общества, интеллекта и эго — собственных или чужих.

Первозданная Женщина — здоровье всех женщин. Без нее женская психология лишается смысла. Эта дикарка — прототип женственности; она не зависит ни от культуры, ни от эпохи, ни от общественного устройства. Меняются ее циклы, ее символы и олицетворения, неизменна лишь сущность: *Она*. Она — то, что она есть. Она сохраняет свою целостность.

Она — энергия, которая протекает через женщин. Если их притесняют, она устремляется вверх. Если женщины свободны, она тоже свободна. К счастью, сколько бы ее ни подавляли — она снова вырывается на волю, сколько бы ни запрещали, угнетали, пресекали, ослабляли, мучили, обзывали ненадежной, опасной, безумной, каким бы еще унижениям ни подвергали, — она всегда пробивается на поверхность; даже самая кроткая, самая сдержанная женщина таит в себе сокровенный уголок для Первозданной Женщины. И у самой угнетенной женщины есть своя тайная жизнь, и ей присущи тайные мысли и тайные чувства, дикие и буйные — то есть естественные. Даже самая

* По техническим причинам (компьютерный набор) диакритические знаки в данном издании отсутствуют. Приносим извинения читателю. — *Прим. ред.*

порабощенная и загнанная в угол женщина оберегает обитель своей дикой самости, ибо интуитивно знает, что однажды возникнет лазейка, отверстие, шанс — и она бросится наутек.

Я уверена в том, что все люди, женщины и мужчины, рождаются одаренными. Однако поистине мало было сказано о психологической жизни одаренных, талантливых, творческих женщин — и, напротив, очень много написано о слабостях и уязвимых местах человека в целом и женщин в частности. Что касается архетипа Первозданной Женщины, то для того, чтобы постичь его, оценить по достоинству и воспользоваться его дарами, нам следует внимательнее всего отнестись к тем мыслям, чувствам и свершениям, которые придают женщинам силы, а также правильно учесть ослабляющие женщину внутренние и культурные факторы.

В целом можно сказать, что когда мы постигнем первозданность как независимое бытие, как то, что одушевляет и пронизывает глубочайшую жизнь женщины, перед нами откроются пути, которые прежде невозможно было вообразить. Психология, не способная обратиться к этой врожденной духовной сущности в самой сердцевине женской души, не оправдывает надежд женщин, ни их дочерей, ни дочерей их дочерей, ни всех прочих потомков по женской линии.

Итак, чтобы найти подходящее лекарство для искалеченных участков первозданной души и установить отношения с Первозданной Женщиной, необходимо точно назвать подобные душевные расстройства. Моя клиническая профессия располагает прекрасными, опирающимися на статистику диагностическими пособиями и огромным количеством дифференцированных диагнозов; она использует также психоаналитические параметры, определяющие психопатию по организации (или ее отсутствию) объективной психики, а также по оси «Эго-Самость»², однако существуют и иные определяющие формы поведения и ощущений, чрезвычайно убедительно, с точки зрения женщин, описывающие сущность вопроса.

Как выглядят окрашенные ощущениями симптомы нарушенных взаимоотношений с этой первозданной силой души? Ниже описаны те признаки мышления, чувств и действий, которые указывают на серьезные нарушения или полную потерю связи с глубинной, инстинктивной душой. Если пользоваться сугубо женским языком, то это звучит так: я ощущаю себя чрезвычайно истощенной, утомленной, неустойчивой, подавленной, растерянной, заезженной, загнанной, бесчувственной. Я ощущаю себя испуганной, хрупкой, слабой; виноватой, вечно сердитой или раздраженной; бездушной, никчемной, увязшей, зажатой, помешанной; не чувствую ни вдохновения, ни воодушевления, ни смысла.

Ощущаю себя бессильной, постоянно сомневающейся, колеблющейся, зашедшей в тупик, неспособной пробиться; чувствую, что отдаю все свои творческие силы другим, выбираю таких мужчин, работу или друзей, которые высасывают из меня все соки; страдаю от разрушения собственных жизненных циклов. Ощущаю, что слишком закрыта, инертна, неуверенна, нерешительна, неспособна управлять собой или ставить пределы.

Смерть в доме любви

Неспособность вынести вид Женщины-Скелета и освободить ее от пут — вот что становится причиной краха многих любовных связей. Чтобы любить, нужно быть не только сильным, но и мудрым. Сила приходит от духа, а мудрость — от общения с Женщиной-Скелетом.

Из этой сказки мы узнаем, что, если хочешь всю жизнь быть сытым, необходимо вступить в контакт с природой Жизни-Смерти-Жизни и развить взаимоотношения с ней. Тогда нам уже не придется на свой страх и риск ловить на крючок фантазии — умудренные опытом, мы будем знать: чтобы образовался истинный союз, необходимы и смерти, и удивительные рождения. Встречаясь лицом к лицу с Женщиной-Скелетом, мы узнаем, что чувство невозможно получить извне: это нечто такое, что периодически рождается в душе и выходит наружу. Женщина Скелет показывает нам, что только совместная жизнь, преодолевающая все подъемы и спады, все начала и концы, создает ни с чем не сравнимую преданную любовь.

Эта сказка — удачная метафора проблемы любви в современном мире, страха перед природой Жизни-Смерти-Жизни и, в особенности, аспектом Смерти. В западной культуре исконный характер природы Смерти привыкли прикрывать разнообразными теориями и учениями, пока он не оказался разъединенным со своей второй половиной, Жизнью. В результате неверного обучения мы усвоили половинчатый образ одного из важнейших и глубочайших аспектов дикой природы. Нас учили, что за смертью следует только смерть. Но это совсем не так. Смерть всегда порождает новую жизнь, даже если от нее осталась только кучка костей.

Вместо того чтобы рассматривать архетипы Жизни и Смерти как противоположности, их нужно воспринимать вместе, как левую и правую стороны одной мысли. Правильно говорят, что у одного любовного союза много концов¹. И все же где-то в тонких слоях существа, которое возникает, когда двое любят друг друга, есть и сердце, и дыхание. И когда одна сторона сердца опустошается, другая наполняется. Когда одно дыхание затихает, другое начинается.

Если люди верят, что сила Жизни-Смерти-Жизни не имеет продолжения после смерти, то не удивительно, что многие боятся определенности. Их пугает даже один-единственный конец. Они не в силах перейти с веранды во внутренние помещения. Они пугливы, поскольку ощущают, что в столовой дома любви сидит Госпожа Смерть, постукивая ногой, складывая и раскладывая перчатки. Перед ней список: в одной колонке то, что живет, в другой — то, что умирает. Она намеревается подвести итог. Ее цель — соблюсти равновесие.

Во многих современных культурах архетип силы Жизни-Смерти-Жизни воспринимают совершенно неверно. Некоторые уже не понимают, что Госпожа Смерть олицетворяет важнейший принцип творения. Благодаря ее милостивым трудам возобновляется жизнь. В фольклоре многих народов женские образы смерти обычно наделены наводящими ужас чертами: она ходит с сер-

пом и «пожинает» не чующих опасности людей, она целует свои жертвы и уходит, оставляя за собой трупы, или топит людей, а потом оглашает ночь протяжным плачем.

Однако в других культурах, например у индусов и майя, сохранивших учения о колесе жизни и смерти, Госпожа Смерть обнимает тех, кто уже умирает, облегчая муки, принося утешение. В *curanderisma* говорится, что это она переворачивает плод в материнской утробе головкой вперед, чтобы он мог родиться, она направляет руки повитухи, открывающие приток молока к материнской груди, она утешает всех страждущих в одиночестве. Те, кто знает ее полный цикл, не станут ее чернить, а поклонятся ее величию и усвоит ее уроки.

С точки зрения архетипа, природа Жизни-Смерти-Жизни является основным компонентом инстинктивной природы. В фольклоре народов мира ее олицетворяют такие персонажи как *Dama del Muerte*, Госпожа Смерть, как Коатликуэ, Хель, Берхта, Гуаньинь, Баба Яга, Дама в Белом, сострадательная Ночная Красавица и три женщины, которых древние греки называли Граи (старухи). Сказки изобилуют следами олицетворений древней богини-создательницы² — от Баньши* в колеснице из ночного облака до *La Llorona*, женщины, плачущей у реки; от черного ангела, который, погладив женщину концом своего крыла, повергает ее в экстаз, до болотных огней, появляющихся как знак неминуемой смерти.

Наше понимание природы Жизни-Смерти-Жизни изрядно омрачено страхом смерти, поэтому наша способность следовать циклам этой природы очень слаба. Эти силы ничего с нами не делают. Они не воры, отнимающие у нас то, что мы любим. Эта природа — не водитель-лихач, разбивающий то, что мы ценим.

Конечно же, силы Жизни-Смерти-Жизни — это часть нашей собственной природы, часть сокровенной власти, которая знает шаги, знает танец Жизни и Смерти. Она состоит из тех наших аспектов, которые знают, когда чему-то можно, следует и должно родиться и когда надлежит умереть. Она — мудрый учитель, если только мы способны следовать ее темпу. Росарио Кастелланос, мексиканский мистик и поэт, так пишет об этом смирении перед силами, управляющими жизнью и смертью:

...dadme la muerte que me falta...
...дай мне смерть, которая мне необходима...

Поэты понимают: не будь смерти, было бы нечего ценить. Не будь смерти, не было бы уроков, не было бы тьмы, в которой сверкают алмазы. В то время как посвященные не боятся Госпожи Смерти, культура часто подстрекает нас сбросить Женщину-Скелет на камни, и дело не только в том, что мы ее боимся, а еще и в том, что усваивать ее науку приходится слишком долго.

* В ирландской мифологии сверхъестественное существо (иногда в облике прекрасной женщины), встреча с которым предвещает смерть.

Это обещание дикой души, обращенное ко всем нам. Пусть мы только слышали о чудесном диком мире, к которому некогда принадлежали, пусть видели его только мельком или во сне, пусть мы еще не соприкасались с ним или соприкоснулись на краткий миг, пусть мы не осознаем, что принадлежим к нему, — все равно память о нем, как луч маяка, ведет нас туда, где наш дом, чтобы остаться там навсегда. Когда гадкий утенок увидел в небе лебедей, в нем шевельнулась тоска по утраченному, и память об этом единственно значимом событии поддерживает его в пути.

Как-то мне довелось работать с женщиной, которая дошла до последней черты и подумывала о самоубийстве. Как-то ей на глаза попался паучок, который плел паутину на ее крыльце. Что именно в действиях этого крошечного насекомого растопило лед вокруг ее души, так что она снова смогла стать свободной и развиваться, мы никогда не узнаем. Но я уверена — и как психоаналитик, и как *santadora*, — в большинстве случаев самыми целительными бывают природные средства, особенно очень доступные и очень простые. Эти природные снадобья сильны и непосредственны, ими может стать божья коровка на зеленой арбузной корке, малиновка с клочком пряжи в клюве, луговые травы в полном цвету, падающая звезда и даже радуга в осколке стекла под ногами. Упорство — странная вещь: оно выделяет огромную энергию, а чтобы зарядить его на целый месяц, достаточно пятиминутного созерцания спокойной воды.

Интересно отметить, что волчица, как бы она ни был больна, загнана, одинока, испугана или слаба, будет упорно стремиться вперед. Она будет запутывать следы даже со сломанной ногой. Она прибьется к другим, ища защиты стаи. Она терпеливо переждет, перехитрит, перегонит и переупрямит все, что пытается ей навредить. Она вся превратится в дыхание. Если необходимо, она, как утенок, будет тащиться с одного места на другое, пока не найдет хорошее место, целительное место, место, где возможно процветание.

Отличительный признак живой природы — ее способность продолжаться. Она сама себя сохраняет. Для этого не нужно ничего делать — это качество присуще нам естественно и неотъемлемо. Если сейчас процветание невозможно, мы живем, пока оно не вернется. Идет ли речь о творческой жизни, от которой мы оказались отрезаны, об обществе или религии, подвергших нас изгнанию, о группе людей, которая нас преследует, о запрете на движения, мысли и чувства — сокровенная дикая жизнь души продолжается, и мы идем дальше. Дикая природа не принадлежит какой-то одной этнической группе. Это исконная природа женщин из Бенина, Камеруна и Новой Гвинеи. Она присутствует у женщин из Латвии, Нидерландов и Сьерра-Леоне. Это стержень гватемальских женщин, гаитянских женщин, полинезийских женщин. Назовите любую страну. Назовите любую расу. Назовите любую религию. Назовите город, деревню, далекую границу. Это то, что объединяет всех женщин, — Первозданная Женщина, дикая душа. Все они чувствуют в себе зов дикого и следуют ему.

Поэтому, если возникнет такая необходимость, женщина нарисует голубое небо на стенах тюремной камеры. Если пряжа сгорит, она спрядет новую. Если урожай погибнет, она тут же засеет поле снова. Женщина нарисует двери там, где их нет, откроет их и вступит на новый путь и в новую жизнь. Дикая природа упорствует и одерживает победу — и женщина упорствует и одерживает победу.

Утенок оказывается на краю гибели. Он одинок, он продрог и промерз, его изводили, мучили, пытались застрелить, и вот он в конце пути, на грани жизни и смерти, измученный, изголодавшийся, не ведающий, что будет дальше. И здесь начинается самая важная часть сказки: наступает весна, расцветает новая жизнь, возможен новый поворот, новая попытка. Самое важное — держаться, отстаивать свое право на творческую жизнь, на одиночество, на время быть и делать, на свою жизнь как таковую; держаться, ибо дикая природа обещает: после зимы *всегда приходит весна*.

Любовь к душе

Держитесь. Выше голову. Делайте свое дело. Вы найдете свой путь. В конце сказки лебеди признают в утенке себе подобного — раньше, чем он сам это понимает. Это довольно характерно для женщины-изгнанницы. После мучительных скитаний, когда ей удастся пробраться через границу на родную территорию, она обычно не сразу осознает, что люди уже не смотрят на нее с осуждением, а если и не выражают восхищения или одобрения, то чаще всего настроены дружелюбно.

Человек может думать, что теперь, обретя родную почву для души, он будет блаженно счастлив. Но не тут-то было. По крайней мере первое время он ужасно недоверчив. Действительно ли эти люди ко мне хорошо относятся? Действительно ли я здесь в безопасности? Не прогонят ли меня прочь? Могу ли я теперь спать не вполглаза? Можно ли мне теперь вести себя как подобает... лебедю? Через некоторое время эти подозрения улягутся и начнется новая стадия возвращения к себе: принятие своей уникальной красоты — дикой души, из которой мы состоим.

Не были ли вы какое-то время или всю жизнь в положении гадкого утенка? Нет лучшего и более надежного способа узнать это, чем проверить ваше умение принять искренний комплимент. Конечно, это можно отнести на счет скромности или приписать робости — хотя слишком много серьезных ран небрежно списывают со счета под предлогом того, что это «просто робость»¹⁴, — но гораздо чаще мы слышим невнятные оправдания в ответ на комплимент, потому что он автоматически вызывает в сознании женщины неприятный диалог.

Стоит похвалить ее внешность, ее искусство или что-то еще, в чем проявляется ее душа, как что-то у нее в сознании говорит, что она этого не заслуживает, а вы, автор комплимента, прежде всего болван, если действительно так думаете. Не понимая, что красота души просвечивает изнутри, когда она бывает сама собой, такая женщина переводит разговор на другую тему и тем

самым успешно лишает пищи душу-самость, которая расцветает, когда чувствует признание, когда ее замечают.

Это и есть последняя задача изгнанницы, которая находит самое себя: принять не только собственную индивидуальность, принадлежность к определенному типу людей, но и свою красоту — образ своей души и тот факт, что близость к этому дикому существу преображает нас и всех, кто с ним прикасается.

Когда мы признаём свою дикую красоту, она отступает на задний план и мы больше не уделяем ей пристального внимания, но и не расстаемся с ней и не отрекаемся от нее. Разве знает волчица, как она красива в прыжке? Разве знает кошка, какие изящные позы она принимает? Разве птица приходит в восторг от звука, который она слышит, распуская крылья? Учась у них, мы просто поступаем так, как подсказывает нам наша истинная природа, и не пугаемся своей естественной красоты, не скрываем ее. Как и все живое, мы просто существуем. И это правильно.

Для женщины эти поиски и находки основаны на загадочной женской тяге к дикому, к тому, что неотделимо от нее самой. Мы называем объект этой тяги Первозданной Женщиной; но, даже не зная ее имени, не зная, где она обитает, женщины стремятся к ней: они любят ее всем сердцем. Они тоскуют по ней. И эта тоска служит и побуждением, и движущей силой. Именно эта тяга заставляет нас искать Дикую Женщину и найти ее. Это не так трудно, как можно поначалу вообразить, ибо Она тоже ищет нас. Мы ее дети.

Заблудшая зигота

За свою многолетнюю практику я убедилась, что к вопросу о принадлежности иногда следует подходить более легко, потому что легкостью можно частично вытряхнуть из женщины боль. И я начала рассказывать своим клиенткам сказку, которую сама придумала и назвала «Заблудившаяся зигота», — главным образом затем, чтобы помочь им взглянуть на свою судьбу изгнанницы, используя более выразительную метафору. Вот эта история.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, как вам удалось угодить в такую семью, как ваша? Если вы прожили жизнь чужака, слегка странного или непохожего на других человека, если вы одиночка, человек, живущий на краю общего течения, вам, наверное, довелось страдать. Но вот приходит время уплыть от всего этого, взглянуть на мир с другой высоты, вернуться в край себе подобных.

И пусть там не будет страданий, не будет попыток выяснить, в чем же ваша ошибка. Хватит гадать, почему вы родились именно у этих людей, пора положить этому конец — *finis, terminado*. Отдохните минутку на носу лодки, вдыхая ветер, прилетевший из родного края.

на коже. Если настроить глаза души, можно увидеть дом в самых разных местах.

Как долго мы идем домой? Так долго, как сможем или пока не вернемся. Как часто это нужно делать? Как можно чаще, если вы очень чувствительны и активно проявляете себя во внешнем мире. Реже, если вы толстокожи и больше любите сидеть дома. Каждая женщина в душе знает, как часто и как долго ей необходимо это делать. Показателем может быть блеск в глазах, радость жизни, яркость ощущений.

Как мы сочетаем потребность возвращаться домой с повседневной жизнью? Мы заранее планируем в своей жизни время для этого. Всегда удивляешься, когда видишь, как легко женщины умеют выкроить необходимое время, если кто-то болен, если нужно заниматься с ребенком, если ломается машина, если заболит зуб. Нужно уделять такое же внимание возвращению домой, а если необходимо — поставить его на первое место. Ведь это бесспорная истина: если женщина не уйдет вовремя, тоненькая трещина в ее душе превратится в пропасть, а пропасть — в ревущую бездну.

Если женщина относится к своим циклам возвращения и прихода как к абсолютной ценности, окружающие тоже научатся их ценить. Это правда, что настоящее чувство дома можно испытать, выкраивая время из повседневной суеты — время, которое будет нерушимо и исключительно нашим. «Исключительно свое» каждая женщина понимает по-разному. Одной, чтобы вернуться домой, достаточно побыть в комнате в уединении, оставаясь доступной для окружающих. Для другой место, откуда начинается спуск домой, должно быть совершенно недоступно для постороннего вмешательства. Никаких «Мама, мама, где мои ботинки?», никаких «Дорогая, прихватить что-нибудь в овощной лавке?»

Для такой женщины вход в сокровенный дом открывает тишина. *No te molestes**, Полная Тишина, с большой буквы. Для нее тишина — шелест ветра в кронах деревьев. Для нее тишина — рев горного потока. Для нее тишина — грохотание грома. Для нее животворная тишина — естественный порядок природы, который ничего не просит взамен. Каждая женщина выбирает в зависимости от своих способностей и потребностей.

Сколько бы времени ни длилось ваше возвращение домой — один час или несколько дней, помните: о ваших кошках могут позаботиться другие, даже если ваши кошки утверждают, что только вы умеете делать это правильно. Ваша собака попытается вам внушить, что вы бросаете ребенка посреди дороги, но она вас простит. Газон слегка пожелтеет, но потом оживет. Вы с детьми будете скучать друг без друга, но зато обрадуетесь при встрече. Ваш муж может ворчать — он это переживет. Ваш шеф может угрожать — он это тоже переживет. Задерживаться слишком долго — безумие. Вернуться домой — здравый выбор.

* «Оставьте меня в покое» (исп.).

Если культура, общество или душа не поддерживают этот цикл возврата домой, многие женщины учатся прыгать через ворота или пролезать сквозь изгородь. У них развиваются хронические болезни, и они подолгу валяются в постели с книгой. Они улыбаются во весь рот, показывая, что все в порядке, а сами медленно, но верно делают свое тайное дело.

Многие женщины, у которых нарушен цикл возвращения домой, понимают: чтобы завоевать право уйти, чтобы утвердить свои душевные потребности, придется сражаться с шефом, детьми, родителями или мужем. Поэтому бывает, что в разгар такой схватки женщина заявляет: «Ладно, я ухожу. Раз ты такой/такая _____ (заполните пробел) и явно не заботишься о _____ (заполните пробел), то я пошла, будь здоров(а)». Грохот, сотрясение земли, пыль столбом — и она исчезла.

Если женщине приходится бороться за то, что принадлежит ей по праву, она чувствует, что ее желание вернуться домой абсолютно законно и справедливо. Интересно отметить, что волки в случае необходимости дерутся, чтобы получить желаемое, будь то еда, сон, секс или покой. Может показаться, что борьба за исполнение своих желаний — это нормальная инстинктивная реакция на препятствия. Однако для многих женщин такая борьба должна происходить еще и в душе, а то и исключительно в ней, противостоя всему внутреннему комплексу, который прежде всего отрицает ее потребности. К тому же гораздо легче отражать нападки агрессивного общества, если вы побывали дома и вернулись.

Если вам приходится вести борьбу каждый раз, когда настает пора уходить, наверное, стоит тщательно взвесить ваши отношения с близкими людьми. Если можно, лучше приучить окружающих к тому, что вы возвращаетесь другим человеком, что вы не бросаете их, а переучиваете себя и возвращаетесь к подлинной жизни. Так, если вы человек искусства, окружите себя людьми, которые понимают вашу потребность бывать дома, потому что есть вероятность, что вам чаще, чем другим, придется вести раскопки в душевной земле дома, чтобы познать циклы творения. Поэтому говорите кратко и убедительно. Моя подруга Норманди, талантливая писательница, сказала, что постепенно пришла к такому варианту: «Я ухожу». Это самые лучшие слова. Произнесите их — и в путь.

У каждой женщины свое представление о полезном и/или необходимом сроке, который следует провести дома. Большинство из нас не всегда может отлучаться на столько, на сколько нам хотелось бы, поэтому мы уходим на сколько можем. Время от времени мы уходим на сколько должны. Бывает, что мы отсутствуем, пока не начнем скучать по тому, что оставили. Иногда мы судорожно ныряем, выныриваем, снова ныряем. Большинство женщин, возвращающихся к своим природным циклам, попеременно используют все эти варианты, соразмеряя их со своими обстоятельствами и потребностями. Одно можно сказать твердо: всегда хорошо держать у дверей маленький чемоданчик — так, на всякий случай.

Промежуточная женщина — умение дышать под водой

В сказке показан любопытный компромисс. Вместо того чтобы оставить сына или забрать его с собой навсегда, женщина-тюлениха берет его в гости к тем, кто живет «внизу». Мальчика, в чьих жилах течет материнская кровь, принимают в члены тюленьего рода. Там, в подводном доме, он знакомится с повадками дикой души.

Ребенок олицетворяет новый строй души. Мать-тюлениха вдохнула в его легкие часть своего дыхания, часть своей души, и, таким образом, выражаясь языком психологии, превратила его в *промежуточное существо*¹⁶ — то, которое способно соединить два мира. Однако хотя мальчик получил посвящение в мир иной, он не может оставаться там и должен вернуться на землю. С этих пор он играет особую роль. Дитя, которое нырнуло в глубину и вернулось на поверхность, — это не вполне эго и не вполне душа, а нечто промежуточное.

В каждой женщине таится то, что Тони Вулф, психоаналитик-юнгианец, живший в первой половине двадцатого века, назвал «промежуточной женщиной». Находясь между миром повседневной реальности и миром мистического бессознательного, *промежуточная женщина* выступает посредницей между ними. Промежуточная женщина — приемник и передатчик ценностей или идей. Именно она приносит в жизнь новые идеи, обменивает устаревшие идеи на новаторские, служит переводчиком и проводником между миром рационального и миром воображаемого. Она «слышит», «знает», «чувствует», что должно произойти.

Эта промежуточная точка между мирами разума и образов, между чувством и мыслью, между материей и духом — между всеми мыслимыми противоположностями и всеми оттенками смысла — и есть дом промежуточной женщины. Женщина-тюлениха из сказки являет собой воплощение души. Она способна жить во всех мирах, в верхнем — мире материи — и в дольном, или нижнем мире — своем духовном доме, но не может слишком долго оставаться на земле.

В совокупности Женщина-тюлениха и ее дитя образуют в женской душе систему наподобие цепочки людей на пожаре. Женщина-тюлениха, душа-самость, передает из воды мысли, идеи, чувства и импульсы вверх, промежуточному «Я», которое, в свою очередь, поднимает все это на сушу, в сознание внешнего мира. Эта структура работает и в обратном направлении. События нашей повседневной жизни, наши прошлые обиды и радости, наши страхи и надежды на будущее — все это из рук в руки передается вниз, душе, которая комментирует полученное в наших снах, посылает свои чувства вверх, в наше тело, или, даруя миг вдохновения, пронзает нас идеей.

Дикая Женщина — это сочетание здравого смысла и душевного смысла. Промежуточная женщина — ее двойник, ей также присуще и то, и другое. Как и дитя из сказки, промежуточная женщина принадлежит к нашему миру, но может легко спускаться в самые глубины души. Некоторые женщины рождаются с этим качеством, получая его в дар. Другие приобретают его как